

Когда Чон И Джун увидел записку, его выражение лица стало недовольным, и я даже не осмелился попросить вернуть её — я лишь съёжился на месте.

— ...Что это?

Он медленно повернул лицо ко мне. Странно, хоть за его спиной не было света, его лицо казалось тёмным. Но при этом глаза ярко полыхнули, словно в них вспыхнуло пламя.

Что с ними? Квон Дже Хёк, Чан Ын Ёль и Ха Хён Со сначала уставились на бумажку, а потом медленно перевели взгляд на меня.

Я вздрогнул, почувствовав странный холодок.

— Ха-ха... — неловко засмеялся я.

— Хм...

— Это... Что?

— Я сам хотел бы знать! Что это? Ки Юн Дже, что это такое?

Хотя реакции у всех были разными, я ясно видел, что все были недовольны.

Квон Дже Хёк только улыбался, Чан Ын Ёль криво усмехался, Ха Хён Со выглядел озадаченным, но всё равно был недоволен, и даже Чон И Джун, который явно понимал всё, продолжал допрашивать меня, как будто ничего не знал.

Чон И Джун прорычал, когда я лишь продолжал смеяться.

— Что это такое?

Он прижал меня к стенке, будто допросил неверного любовника. Я оглянулся в поисках помощи, но Куки только фыркнул и наблюдал со стороны, явно развлекаясь.

Квон Дже Хёк, Чан Ын Ёль и Ха Хён Со встали на сторону Чон И Джуна, а Ки Хён Чжу и Ха Ын Со быстро надели маски для сна и отвели взгляд.

Уф... Никого на моей стороне не осталось.

— Что тут непонятного? Номер телефона.

Я решил действовать нагло. В конце концов, если подумать, я ведь ничего плохого не сделал. Я ни с кем не встречался — ну, может, с Квон Дже Хёком у нас были какие-то странные отношения... Но всё равно официально мы не были парой.

И я сам номер не просил, мне его просто сунули между пакетиками орешков.

Когда я пошёл в наступление, Чон И Джун словно пришёл в шок и, ахнув, сжёг записку прямо в руках.

Похоже, он с помощью телекинеза быстро натёр пространство между пальцами и поджёг бумагу из-за трения. Но я был в ужасе от того, что внутри самолёта вспыхнуло пламя.

— Эй, а если тут всё загорится?!

— А что? Разве нельзя сжечь?

На мои слова Чон И Джун посмотрел на меня так, будто хотел проткнуть взглядом. Его глаза сверкали злобой, и он продолжал стрелять словами:

— Что? Жалко? Жалеешь, что я его забрал и ты не сможешь позвонить? Так иди, попроси ещё один номер!

Нет... С такой миной, будто он меня разорвёт на куски, если я сделаю хоть шаг...

Чон И Джун всё пытался меня спровоцировать, говоря: «Иди, иди», но стоило мне двинуться, как он бы взбесился.

Я снова оглянулся в поисках поддержки. Но, увы, никто не смотрел в мою сторону.

— Нет... Я не пойду...

— Почему? Ты ведь жалел, когда она сгорела, да? А? Попросишь ещё один номер — тебе его, наверное, дадут.

Он продолжал давить на меня словами, но глазами ясно давал понять: если я и правда пойду, он меня прикончит. Мне хотелось плакать. Хоть кто-нибудь... хоть кто-нибудь бы меня поддержал...

Разве я так уж сильно радовался первой попытке познакомиться? Вся радость от первого раза давно испарилась, а теперь я оказался в положении какого-то преступника без всякой причины.

— Правда... Я не пойду...

Когда я пробормотал это жалобным голосом, Чон И Джун, похоже, немного успокоился и уже не так стремился выгнать меня. Хотя взгляд его оставался ядовитым, так что я поспешил добавить:

— Я даже не собирался звонить... Правда...

Я сам не понимал, зачем оправдываюсь. Но Чон И Джун и остальные трое будто бы наконец-то поверили и слегка расслабились.

И тут раздался новый упрёк:

— Но почему ты тогда хотел положить ее в карман? А?

Тем не менее, Чон И Джун, чемпион по ссорам и дракам, боролся до самого конца. Мне было неловко отвечать. Когда я замешкался на мгновение, его взгляд снова начал становиться колючим, и я поспешно принялся оправдываться.

— Я просто был в шоке, потому что это первый раз, когда ко мне кто-то подкатил!

— И?

Когда голос Чон И Джуну вновь стал холодным после моего признания, я поспешил добавить:

— Я правда не собирался звонить! Просто... Это первый раз, и я был поражён!

А ещё — если не класть записку в карман, то куда её девать? Даже чтобы выбросить её, нужно выйти наружу. Я не мог просто оставить её валяться как мусор или держать всё время в руке.

«Самое логичное место — карман. Точно.»

Только тогда, казалось, Чон И Джун немного успокоился. Когда я уже расслабился, уверенный, что проблем больше не будет, ко мне кто-то подошёл.

— Э? Дже Хёк-хён?

— Держи. Юн Дже.

Когда я принял то, что мне протянули, оказалось, что это была записка с номером Квон Дже

Хёка.

Что это ещё такое? Я взял записку, но не понимал, зачем он её мне дал. Я посмотрел на Квон Дже Хёка, но он, словно ничего не случилось, уже вернулся на своё место.

«Это... зачем он мне это дал?»

В замешательстве я увидел, как Чон И Джун выглядит очень раздражённым. Он скрипнул зубами, потом вытащил свой блокнот и что-то быстро нацарапал.

— Держи.

— Ч-что...?

Это был номер Чон И Джуна. Я и так его знал, так зачем он снова его мне дал? Я замер, не зная, что делать, но когда увидел, как Чон И Джун закатил глаза, я поспешно взял записку.

И тут же за спиной Чон И Джуна появились Ха Хён Со и Чан Ын Ёль, протягивая мне ещё записки.

— Ребята... зачем вы это делаете...

Я смущённо попытался отказать, но они всё равно сунули мне свои записки в руки. В итоге я потерял один незнакомый номер и получил четыре записки с уже известными мне номерами.

— Что ха глупость...

Рядом со мной Куки снова фыркнул и что-то пробормотал. Ки Хён Джу, сняв маску для сна, посмотрела на меня с жалостью и укоризной, цокнув языком.

В отличие от четырёх человек, которые выглядели странно довольными, я сидел с зажатыми в руках записками, совершенно не понимая, что вообще происходит.

* * *

Когда мы прибыли в Корею, я вышел из самолёта и направился к выходу. Там меня встретил звук затвора камер и поток вспышек. В зале прилёта толпились репортеры, явно ожидавшие моего появления.

Пока я моргал от слепящих огней, вопросы посыпались на меня один за другим:

— Лидер гильдии Ки Юн Дже! Расскажите, каким был разлом у Эйфелевой башни!

— Говорят, что гильдия «Небула» предсказала появление врат у Эйфелевой башни. Это правда?

— Сигрид Пенелопа, знаменитая французская модель, сказала, что интересуется вами и попросила связаться. Что вы об этом думаете?

А? Простите, что? Последний вопрос меня озадачил. Имя Сигрид Пенелопы я где-то слышал. Недавно она снималась в фильме, в который одна из дочерних компаний Сонун вложила крупные инвестиции.

«Фильм не стал грандиозным успехом, но и не провалился.»

Конечно, я не получил хороших оценок и просто запомнил это как «ну, хотя бы без убытков». Кажется, генеральным директором дочерней компании, которая инвестировала в фильм, был Ки Сон Юн...

Пока я так естественно задумался, я почувствовал на себе острый взгляд и вздрогнул. Медленно скосив глаза в ту сторону, я увидел Чон И Джуна с пронзительным взглядом и трёх мужчин, явно в плохом настроении.

Я снова отвёл глаза, вернулся в исходное положение и начал отвечать на вопросы один за другим:

— Врата Эйфелевой башни были на гористой местности. Хотя пересечь горы было сложно, везде много полезных ископаемых, так что, если правильно наладить добычу, выгода будет большой.

— О-о...!

— Что касается создания врат... — я замялся, — ...думаю, пока что сложно дать однозначный ответ, потому что технологии ещё несовершенны.

Какие ещё технологии? Я просто знал об этом из оригинального произведения. Никаких технологий по предсказанию врат у «Небулы» не было.

Чувствуя, как будто затылок вот-вот взорвётся, я поспешно ответил на последний вопрос:

— Для меня большая честь, что Сигрид проявила интерес. Но, к сожалению, сейчас я хочу сосредоточиться на гильдии, так что в ближайшее время вряд ли смогу задуматься о чём-то ещё.

Только после этих слов пульсирующая боль в затылке начала стихать. Наконец я смог немного перевести дух.

Пока на меня сыпался очередной град вопросов, я один за другим отвечал на них, но в какой-то момент поднял руки в воздух, потому что понял: если так пойдёт дальше, я вообще не смогу выйти из аэропорта.

— Только один! — воскликнул я. — Только один последний вопрос!

— Глава гильдии, какой у вас идеал в отношениях?

Я опешил. Я сказал «последний вопрос», а они спрашивают... Это? Но всё равно пришлось ответить:

— Мне нравятся хорошие люди.

— Хорошие люди?

— Ну... я тоже человек, так что внешность я замечаю... но всё же думаю, что важно, чтобы человек был добрым и понимающим.

После всех мучений с Чон И Джуном я понял, что особенно ценю добрых и терпеливых людей. Я даже сам удивился, насколько для меня это стало важно, наблюдая, как репортёры усердно записывают мои слова в блокноты.

Я вывел всех наружу и уже собирался сесть в машину, присланную особняком, когда ко мне внезапно подошёл Ха Хён Со.

— Хён, я ведь хороший, правда?

— А? Да?

Я автоматически ответил «да», и Ха Хён Со, довольно улыбаясь, пошёл к своей машине. Я недоумённо склонил голову, а ко мне подошёл Квон Дже Хёк.

— Юн Дже.

— Да, хён.

— Я очень понимающий человек.

— ...А?

— Я очень понимающий... Иногда мне хочется убить всех, но я терплю.

...Это уже больше похоже на терпение, а не на понимание? У меня было много вопросов, но Квон Дже Хёк, похоже, остался доволен своим заявлением и быстро ушёл.

Я недоумевал, что вообще происходит, но сел в машину с Чон И Джун и Чан Ын Ёлем.

В машине долгое время стояла тишина, но вдруг Чон И Джун заговорил:

— Мне кажется, я тоже хороший.

— Что? Что ты такое говоришь? Ха-ха-ха!

Я подумал, что это его попытка пошутить, поэтому рассмеялся. Но увидев, как лицо Чон И Джун окаменело, я понял — это не шутка.

— Что? Ты хочешь сказать, что я не хороший?

Нет... Просто, глядя на него, нельзя было сказать, что он добрый. Он схватил меня и стал трясти, требуя ответа, так что я в ответ закричал:

— Эй! Чтобы быть добрым, нужно вот так смотреть на человека с тёплым взглядом!

— А? Я?

Чан Ын Ёль, сидевший на переднем сиденье и державший на руках Куки, удивился моим словам, а потом радостно улыбнулся. Чон И Джун, увидев это, вздохнул с разбитым сердцем... И снова начал меня трясти.

— Я хороший или нет?! Ну же, скажи быстро!

— Угх... да... хороший...

Это совсем не было похоже на поведение доброго человека, но я был так укачан в машине, что у меня не осталось сил сопротивляться. Только после того, как я признал, что он хороший, Чон И Джун, наконец, удовлетворённо отпустил меня.